Ирина РОЛДУГИНА

ОТКРЫТИЕ СЕКСУАЛЬНОСТИ

Трансгрессия социальной стихии в середине XVIII в. в Санкт-Петербурге: по материалам Калинкинской комиссии (1750–1759)*

> Трансгрессия… подобно вспышке молнии в ночи, которая… придает интенсивность плотной черноте отрицающей ее ночи, которая освещает ночь изнутри, сверху донизу…; вспышка растворяется в пространстве, отмеченном ее самостью (*sovereignty*), и, дав прежней неясности имя, замолкает.[1]

Трудности перевода

В декабре 1716 г. уроженец Гамбурга Генрих Фик приехал в Санкт-Петербург, выполнив секретное поручение Петра I: добыть “регла-

* Автор выражает признательность анонимным рецензентам за комментарии и рекомендации, а также благодарит редакторов *Ab Imperio* и О. Е. Кошелеву (Москва) за помощь в обсуждении рукописи, существенно повлиявшую на публикуемый текст. На ранних этапах диссертационное исследование, частью которого является представленная статья, было профинансировано трехмесячной стипендией Германского исторического института в Москве. Автор благодарна за эту помощь.

[1] Michel Foucault. A Preface to Transgression // Michel Foucault. Language, Counter-Memory, Practice: Selected Essays and Interviews. Ithaca, NY, 1977. P. 35.

менты” (уставы и инструкции) государственных органов Шведского королевства.[2] Петр намеревался использовать сотни документов, привезенных Фиком, для учреждения в России современного государства сразу в готовом виде, “клонированного” со шведского оригинала, который Петр считал образцовым. Итогом этой работы стало обнародование в начале 1720 г. “Генерального регламента”, которому предшествовала разъяснительная работа с чиновниками. Так, 26 ноября 1718 г. последовал именной указ, вводивший новую систему управления в тестовом режиме в одной Санкт-Петербургской губернии с июля 1719 г. и разъяснявший значение новых должностей, скопированных со шведского образца. Большую половину указа занимал “словарик” ключевых терминов:

> Ландс-Гевдинг, Голова земской.
> Обер-Ланд-Рихтер, Вышний земской судья.
> Ландс-Секретарь, Земской дьяк.
> Бухгалтер, Земский надзиратель сборов,

И т.д., двенадцать пунктов.[3]

В тот же день от имени петербургского генерала-полицмейстера Антона Девиера было опубликовано “Объявление о порядке собраний в частных домах и о лицах, которые в оных участвовать могут”, больше известное сегодня как “указ об учреждении ассамблей” – автором этого документа был сам Петр I. Если первый указ вводил в Санкт-Петербурге новую систему государственного управления, то второй, также в экспериментальном порядке (“покамест в обычай войдет”), учреждал в Санкт-Петербурге подобающую ей новую культуру досуга – ассамблеи. Как и регламент государственной службы, ассамблеи копировались в готовом виде с европейских образцов, а потому автору указа пришлось вновь прибегнуть к словарному переводу:

> Ассамблеи слово французское, которое на русском языке одним словом выразить невозможно, но обстоятельно сказать: вольное; в котором доме собрание или съезд делается не для только забавы, но и для дела; ибо тут может друг друга видеть и о всякой

---

[2] Подробнее о личности Фика в контексте петровской модернизации см. Я. И. Прокопенко. Политический инженер Генрих фон Фик и феномен реформ Петра I // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII в.). Санкт-Петербург, 2013.

[3] Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Третье (далее ПСЗРИ). Т. 5. № 3244. 26 ноября 1718.

нужде переговорить, также слышать, что где делается, при том же и забава.[4]

То, что законодатель прекрасно знал точный русский перевод зарубежных понятий и даже составлял их словарь, лишь подчеркивает неслучайность игнорирования имеющихся русских эквивалентов.[5] По-видимому, он сознательно стремился избежать всякой возможности скрещения новых институтов с местной традицией, даже "номинальной". С этой точки зрения использование "домашних" имен для заимствованных форм представляло собой трансгрессию – нарушение невидимых, но от этого не менее значимых границ.

Трансгрессия (лат. *trans* – сквозь, через; *gressus* – движение) по-русски буквально означает "преступление" (через запретную черту). Любое уголовное преступление по определению является трансгрессией законов, установленных в обществе. Но феномен трансгрессии не сводится к криминальности, что отчетливо проявилось в XVIII в., с распространением мировоззрения Просвещения. Собственно, "просвещение" заключалось в том, что "естественный свет разума" (Декарт) просвечивал все аспекты жизнедеятельности на предмет критической оценки их смысла. Уже само проникновение рациональной мысли за пределы табу (например, в сферу религии) являлось трансгрессией и воспринималось – и каралось – как преступление. Но трансгрессией оказывалось и возникновение новых форм, по определению отрицающих установленный порядок, – как стихийное, так и следующее плану рациональных преобразований. Указ об ассамблеях был образцом трансгрессии, подрывая сразу несколько фундаментальных социальных норм: гендерный порядок и протокол коммуникации, социальную дистанцию и культуру досуга. Если бы ассамблею по новым правилам устроил в своем доме боярин тридцатью годами ранее, это было бы воспринято как преступное попрание общественных норм морали. Но когда инициатива исходила от государя, оказывалось, что трансгрессия может быть легальной и прямо нормативной. Так сформировалось двусмысленное отношение к трансгрессии: в зависимости от ситуации она могла восприниматься как преступление или как инновация ("модная", "прогрессивная", "научно обоснованная" и пр.). Эта двусмысленность

[4] ПСЗРИ. Т. 5. № 3246. 26 ноября 1718.

[5] Причем, в ряде случаев "русские" эквиваленты сами являлись недавними языковыми заимствованиями (например, "Ланд-Фискал, Земский фискал"). Очевидно, Петр стремился к тому, чтобы новые термины являлись совершенно непривычными.

оставалась характерной чертой эпохи Просвещения и, шире, модерности, что в наиболее острой форме проявилось в двусмысленности отношения к феномену революции как величайшей трансгрессии.

У трансгрессии была и еще одна функция, на которую обратил внимание Мишель Фуко: “ее роль состоит в измерении безмерной (*excessive*) дистанции, которую она открывает внутри ограничений, и в прослеживании мерцающей линии, приводящей к появлению ограничения”.[6] Выражаясь менее метафорично, речь шла о том, что акт трансгрессии позволяет засечь собственную материальность границ, которые она нарушает и которые кажутся бесконечно “тонкими” под пером законодателя, как граница между “да” и “нет”. К примеру, когда в “указе об ассамблеях” запрещается особым образом встречать и провожать гостей (“также церемонии делать вставанием, провожанием и прочим, отнюдь да не дерзает под штрафом великого орла, но только при приезде и отъезде поклоном почтить должно”), все кажется совершенно очевидным. И только трансгрессия – точнее, то, что будет сочтено трансгрессией, – позволяет увидеть и проблемность запрета, и сложность реализации новой нормы. Неужели хозяину ассамблеи достаточно будет, не поднимаясь с кресла и не отрываясь от беседы, лишь кивком головы приветствовать важного гостя (возможно, самого государя)? Или имелся в виду поясной поклон? Или, все же, кого-то лучше было встретить у дверей и проводить до экипажа? Любой вариант решения – и любой вариант, признанный недопустимой трансгрессией – крайне информативно осветит (“подобно вспышке молнии в ночи”) пространство социального, выявив его глубину и смысл, не сводящийся к тому, что сообщается в параграфе регламента или строке указа.

В этом заключается главная ценность ситуации трансгрессии для историка: она позволяет обнаружить момент рождения живого смысла из формальной нормы в результате конфликта, а значит, представить все вовлеченные стороны в качестве активных субъектов исторического процесса и их собственной жизни. Смысл, осознанный ими в ходе конфликта, сформулирован на основании их собственных жизненных обстоятельств и пристрастий, а не продиктован верховным законодателем. Этот смысл переопределяет и саму норму, и логику, “приводящую к появлению ограничения”.

В “указе об ассамблеях” ничего не говорилось о том, почему именно в этой форме их следует проводить (и для чего вообще они нужны, по-

[6] Michel Foucault. A Preface to Transgression. P. 35.

чему нельзя обсудить дела и развлечься другими способами). Никто не объяснял, для чего нужно вводить должности “согласно с Шведским земским управлением”, да еще на девятнадцатом году непримиримой войны с самой Швецией. Даже если “естественный свет разума” просвещенного писателя позднее мог доказать разумность проведения ассамблей и реформы органов управления (с приказов на коллегии), это было внешнее знание, которое не объясняло личную связь современников с официальными нормами и ограничениями. Лишь опыт трансгрессии позволял “одомашнить” норму и сделать ее осмысленной, а также проявить во всем объеме новый социальный феномен, который скрывался за кажущимися самоочевидными запретами (то есть игнорировался).

В этой статье будет рассказана история грандиозного скандала, вызванного трансгрессией заложенного Петром I института ассамблей как современного времяпрепровождения, достойного элиты российского государства, перестроенного по шведскому образцу. Скандал привел к созданию по личному указанию императрицы Елизаветы Петровны специальной “комиссии о непотребных” (Калинкинской комиссии, 1750–1759), деятельность которой вышла далеко за рамки полицейского расследования и наказания “непотребных женок и девок”. История малоизученной в историографии Калинкиной комиссии освещает драматичный момент осознания просвещенной элитой проблемы сексуальности как самостоятельной и новой области, не фиксируемой формальными законодательными ограничениями, а также ограниченности существующего языка для обсуждения этой проблемы.

Дело Дрезденши

История Калинкинской комиссии начинается с масштабной операции по поиску в Санкт-Петербурге некой “Дрезденши”, развернувшейся летом 1750 г. по личному указанию императрицы Елизаветы Петровны. Анна-Кунигунда Фелкер, прибывшая в Россию из Дрездена еще в середине 1730-х гг. и почти сразу начавшая заниматься сводничеством, была хорошо известна в определенных кругах горожан. Она приглашала девушек из германских городов в Санкт-Петербург и вела поставленное на широкую ногу дело, которое сегодня назвали бы “эскорт-услугами” – но в 1750 г. в России оно своего названия не имело, потому что было совершенным новшеством. Фелкер начинала с содержания бильярдных в различных наемных углах, а закончила организацией интимных вечеринок. Для этого она арендовала помещения в доме

контр-адмирала Михаила Белосельского, вплотную примыкающего к дому санкт-петербургского генерал-прокурора Никиты Трубецкого на набережной Мойки.

Если верить Лидии Семеновой – единственному советскому историку, упоминавшему о Фелкер в своей работе о культуре досуга в Петербурге в середине XVIII в., – некая молодая немка была "выписана" в Санкт-Петербург своей землячкой – "Дрезденшей", с заманчивым обещанием выхлопотать место при дворе императрицы Елизаветы Петровны. На деле же оказалось, что вместо службы ей предстояло встречаться с высокопоставленными и богатыми мужчинами. Девушка пожаловалась властям и даже получила аудиенцию у императрицы, которой рассказала о своем злоключении, а та якобы "приказала учредить комиссию под председательством кабинет-министра Демидова".[7] Вероятно, это апокрифическая история: Семенова ссылки на источники не приводит и вообще неаккуратно излагает ход событий, а мне удалось обнаружить подобного рода инцидент лишь на заре деятельности Фелкер.[8] Как бы то ни было, в июне 1750 г. сведения о предприимчивой "Дрезденше" дошли до государыни.

---

[7] Л. Н. Семенова. Быт и население Санкт-Петербурга, XVIII век. Москва, Санкт-Петербург, 1998. С. 126. См. также: Она же. Рабочие Петербурга в первой половине XVIII века. Ленинград, 1974.

[8] В 1736 г. – за 14 лет до описываемых событий – в Главную полицмейстерскую канцелярию действительно была подана жалоба от немки, дочери берлинского парикмахера Маргреты Динан, которая обвинила в обмане Анну Фелкер ("А показанная женщина Нерин по сыску о себе сказала – Яганою ее зовут Матисова дочь Фелкерина"). Разбирательство закончилось ничем, то ли потому, что девушка впоследствии диаметрально поменяла первоначальные показания, то ли потому, что Фелкер удалось подкупить чиновников. Изначально Динан жаловалась на то, что "в том 736 году в ыюне месяце будучи в Берлине иноземка женщина, сказываясь из России обретающегося при фельтмаршале адьютанская жена присланная бутто от дворца для приискания во услугу девиц, именуемая Нерин, и наняла ее в Санкт Питер Бурх к одной французской мамзели для обучения детей по французски да окроме ее еще шестерых девок в том же городе Берлине ею нанятых, ис которых трое з дороги ушли; и по прибыти та женщина содержала продажу виноградного вина и в квартиру ее приходя многие люди пили за деньги и приходя к ним всячески чинили ласкательство и понуждали с собою быть потаенно в особливом месте один на один, чего они завсегда отрицали и того чинить не желали, но оная женщина всячески их к тому склоняла, грозя им великими наказаниями; и одное из них девку Марию насильно принуждала быть с одним, связавши ей руки; которого ради страха, чтоб ей не притить в напрасной и нежелаемой грех, ис той квартиры в небытность ее ушла." Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА). Ф. 8. Калинкин дом и преступления против нравственности. Ед. хр. 12. Л. 33-33 об.

О степени ярости, в которую пришла Елизавета Петровна, можно судить по устному поручению, которое она дала своему приближенному, Василию Ивановичу Демидову, и которое открывает дело, положившее начало секретной "комиссии о непотребных", как называли ее современники и вовлеченные чиновники:

> 1750 года июня 28 дня Ея Императорское Величество в присутствии своем в Петергофе указала действительному статскому советнику Василию Демидову ехать в Санкт Петер Бурх и сыскать непотребную женку, иноземку, называемую Дрезденшу, которая, нанимая знатные домы, держит у себя скверных женок и девок, выписывая из чужих краев. Взять под караул в крепость со всею ее компанией, да и в протчих волных домах и других непотребных местах по ее и другим показаниям таковых непотребных женок и девок, приехавших сюда изо Гданска и из других чужестранных мест, хотя б кои и во услужении у кого были, собрать всех в крепость, и означенной Дрезденше, учиня наказание публично кнутом, всех их, посадя на пакетбот, отправить морем за границу и тамо их высадить, объявя им здесь, чтоб им впредь в Россию отнюдь не приезжали под жестоким наказанием, а канцлеру графу Алексею Петровичу Бестужеву-Рюмину объявить, чтоб от Иностранной коллегии к находящемуся во Гданске российскому резиденту было сообщено, дабы тамошним содержателем города пристойным образом было предложено, чтоб впредь в Россию таковых не отпускали и корабелцким в посажиры не принимали. А ежель впредь явятся на котором карабле в привозе, и те на оном же со штрафом высланы будут обратно. И для того от комерц коллегии определенных к осмотру кораблей в Кронштате надзирателем иметь смотрение. И ежели такие явятца, оных сюда не пропускать, а брать под караул и высылать по возвращении кораблей, на которых приедут, обратно.[9]

Трансгрессия безымянной Дрезденши (которая, "нанимая знатные домы", при этом "держит у себя скверных женок и девок") однозначно воспринимается Елизаветой как преступление, и она требует наказать ее по нормам того времени. Однако обращает на себя внимание то обстоятельство, что поручение по пресечению преступления дается не петербургскому генерал-полицмейстеру Алексею Даниловичу Татищеву, а заведовавшему ее гардеробом и выполнявшему разнообразные личные поручения (от покупки бриллиантов до подбора платьев

[9] РГАДА. Ф. 8. Ед. хр. 1. Л. 1-1об.

в гардероб) Демидову.[10] Несмотря на высокий чин действительного статского советника, Демидов был младше Татищева по званию, и заведование гардеробом императрицы не предполагало распоряжение штатом правоохранителей. Тем не менее, Демидов получил в помощь внушительную команду, облавы шли по всему городу и на близлежащих островах в течение нескольких дней. В ночь с 29 на 30 июня в "наемной ее квартире генерал-майора Ивана Головина на Васильевском острову" Дрезденша была арестована. 5 июля Демидов подал императрице рапорт о проделанной работе и первых результатах допросов:

> [Фелкер] сыскана и взята в крепость. При ней две девки, из которых одна вынута из сундука, а при допросе ее из доброй воли чрез немалое увещание и потом под пристрастием батогов ни в чем непотребном не признавалась, но потом под кошками многия гнезда непотребных открыла, коих чрез три ночи поныне сыскано сводниц и блудниц болши пятидесят человек в разных местах и дворах, в трактирах, в шкапах и под кроватями, а по болшой части все выезжие из Гданска, из Любека, из Риги, кои друг друга еще показывают и сыскиваются. И вышепомянутая Дрезденша так признается, что и других увещевает к собственному признанию, чтоб не приводили во оскорбление, что исполняют. При том же она и рекомендованных во услужение открывать начала, ис которых две – одна у офицера, другая у асессора, уже и взяты. А по роспросам надеюся нарочитое стадо собрать их может, ибо как слышу, многие места на Адмиралтейской и Литейной стороны и на Васильевском острову наполнены, да и в Милионной есть.[11]

Всего в ходе операции, которая длилась несколько недель, было арестовано более 200 женщин и мужчин. Демидов с удовлетворением отмечал: "Ныне же по улицам такая тишина быть стала, что и учрежденные пекеты спокойно стоят".[12] Судя по этому заявлению, сам он воспринимал свою миссию как сугубо полицейскую, по водворению

---

[10] Кабинет-секретарь императрицы, однофамилец знаменитых заводчиков, был сыном священника и поступил на государственную службу в 1709 г. В 1725 г. был определен секретарем к генерал-фельдмаршалу Репнину, с 1735 г. служил в Военной коллегии, а в Кабинет попал в 1742 г. Его "скаска": РГАДА. Ф. 286. Герольдмейстерская контора при Сенате. Оп. 1. Ед. хр. 439. Л. 196-196 об. О личных поручениях Демидову см.: Императрица Елисавета Петровна и ее записочки к Василию Ивановичу Демидову // Русский Архив. 1878. Кн. I. С. 10-15.

[11] РГАДА. Ф. 8. Ед. хр. 2. Л. 8а-8а об.

[12] Там же.

внешнего порядка, хотя дело было поручено ему, очевидно, в силу особой деликатности и желания избежать широкой огласки. Это значит также, что с самого начала дело Дрезденши рассматривалось как особый случай.

Елизавета Петровна на всех этапах сыска и следствия вникала в расследование, требовала новых известий и сохраняла живейший интерес к происходящему в течение нескольких месяцев. "Ее Императорское Величество изволила заслушать вашу цыдулку", "Ее Императорское Величество изволила запрашивать ваш репорт", "изволила все сама читать", – сообщал периодически секретарь императрицы Иван Черкасов Демидову. Ничего принципиально нового о похождениях Фелкер доклады августа или сентября сообщить не могли, поэтому этот интерес императрицы можно объяснить двумя обстоятельствами. Во-первых, документальное расследование такого рода могло восприниматься как "soft porn" в эпоху, когда современная эротическая литература в России была практически неизвестна.[13] Во-вторых, судя по существенной трансформации позиции Елизаветы Петровны к концу расследования (по сравнению с ее первоначальной реакцией), она много размышляла о природе трансгрессии в случае Фелкер.

Это расследование, начавшееся стихийно и первоначально рассматривавшееся императрицей, судя по ее инструкции, как разовая кампания облав, переросла в продуманную политику. Если первой реакцией Елизаветы Петровны было избежать широкой огласки, то 1 августа 1750 г. она издает именной указ – публичный государственный документ, специально посвященный делу Фелкер.[14] Текст указа отразил эволюцию взглядов императрицы на фоне массовых задержаний петербургских "непотребных", когда выяснилось, что проблема не сводится к нескольким "блядским домам" под управлением предприимчивой иностранки. Кроме прочего, указ "нормализовывал" расследование, передав его в ведение полиции:

> Тех кроющихся непотребных жен и девок, как иноземок, так и русских, сыскивать, и во исполнение того Ея Императорского

[13] Не случайно филологи датируют первое появление российских образцов серединой 1750-х годов (барковиана). О феномене порнографической русской литературы эпохи Просвещения, во многом черпавшей вдохновение во французских аналогах, см.: М. Шруба. К специфике барковианы на фоне французской порнографии // Эрос и порнография в Русской культуре / Под ред. М. Левитта, А. Топоркова. Москва, 1999. С. 200-218.

[14] ПСЗРИ. Т. 13. № 9789. 1 августа 1750 г.

> Величества Высочайшего указу имеет Главная Полицмейстерская канцелярия приказать по всем островам от полиции определенным командам таких непотребных жен, и девок, и сводниц смотреть и пристойным образом разведывая оных, ловить и приводить в Главную полиции, а оттуда с запискою присылать в Комиссию в Калинкин дом.[15]

Указ зафиксировал и новый формат дела: судьбой арестованных женщин, которые непосредственно не были уличены ни в каком преступлении (все они были схвачены на основании показаний Фелкер и друг друга), занималась специальная комиссия. Тем самым признавалось, что самоочевидного состава преступления в деле Фелкер не было и требовалось определить характер трансгрессии, с которой столкнулись власти в данном случае. Женщины по-прежнему содержались под арестом, но не в тюрьме, а в “Калинкином доме”. Петропавловская крепость, куда доставляли задержанных, быстро оказалась переполненной. Как писал Демидов Черкасову:

> Только покорно вашего превосходительства прошу Ее Императорскому Величеству донесть, что в крепости ныне они со утеснением, все казематы в ревелине заняты. Как содержать, так и распрашивать их негде. И ныне то производитца в сарае, а поначалу распросов и по явным слухам не одно – сто их собратья. Того ради не соизволит ли Ее Императорское Величество указать тое комисию производить в Калинкинском каменном доме, ибо он в стороне и во отдалении от города стал.[16]

Калинкинская комиссия

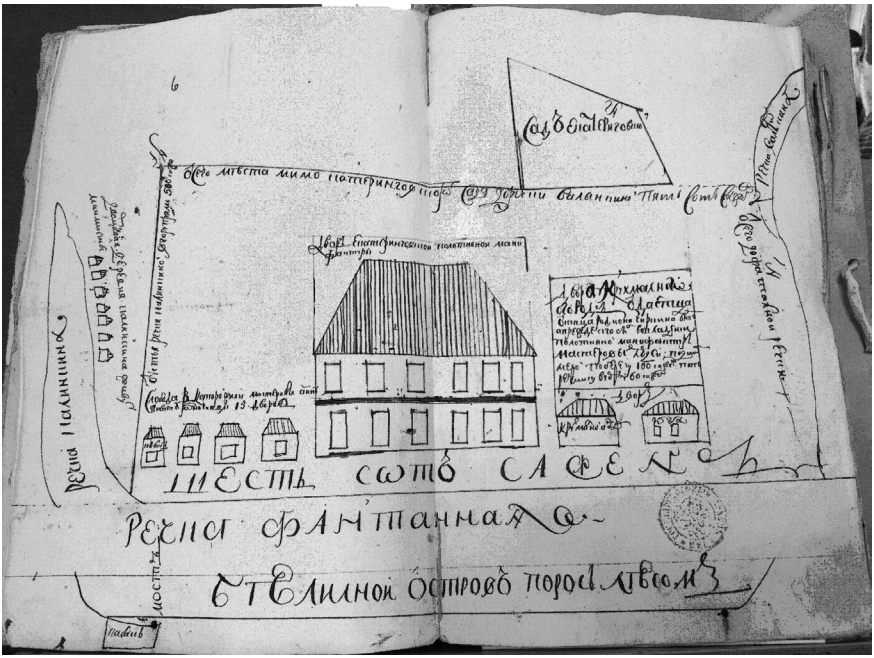
В августе сыскной этап дела закончился и началось расследование, продолжавшееся еще несколько месяцев в каменном доме за Фонтанкой в деревне Калинкина, от которой и получил название дом, а по нему и комиссия, заседавшая под руководством Демидова.[17] Двухэтажное здание с множеством “полат” и инфраструктура остались от льняной мануфактуры, основанной Петром I. Место идеально подходило для содержания несколько сот человек.

---

[15] Там же.

[16] РГАДА. Ф. 8. Ед. хр. Д. 2. Л. 55-55 об.

[17] Это место известно с XVII века как финская деревня Кальюла. Русские поселенцы изменили название. В. Г. Исаченко. Архитектура Санкт-Петербурга. Справочник-путеводитель. Санкт-Петербург, 2002. С. 184.



Илл. 1. План Калинкиного дома 1743 года. (РГАДА. Ф. 8. Ед. хр. 1. Л. 6) “1743 году марта 5 дня по приказу от его превосходителства господина действителного статского советника барона Ивана Антоновича Черкасова осматривал я (Борис Шаблыкин – *И.Р.*) двор в Калинкиной, на котором прежде имелась коломинковая полотняная мануфактура, а ныне Измаиловской полковой двор”.

Документооборот, оставшийся от комиссии, лег в основу фонда,[18] сформированного петербургскими архивистами середины XIX века и названного “Калинкин дом и преступления против нравственности”.[19] При этом, кроме дела Фелкер, в него оказались включены и совершенно посторонние “единицы хранения”, часто относящиеся даже к другому царствованию, например, “О долгах супруги Генерал-фельдмаршала

[18] С источниковой точки зрения документы невероятно разнообразны и включают в себя допросы, переписку по делу между Демидовым и Черкасовым, переписку Демидова с заинтересованными лицами, рапорты военных, охранявших Калинкин дом, рапорты Бориса Шаблыкина, занимавшего должность комиссара, паспорта, личные письма и бумаги задержанных, например, заговорное письмо и самодельный букварь с элементами чистописания, включающий пословицу “Аще кто хочетъ много знати, подобает тому мало спати” и, конечно, допросы мужчин и женщин.

[19] Ни один из источников из этого фонда не был опубликован, а большинство архивных дел, судя по листам использования, не привлекали внимания историков.

Прасковьи Юрьевны Салтыковой" (1764), "О раздорах между генерал-поручиком Михаилом Деденовым и женой его Авдотьей Петровой, урожденной Крекшиной" (1764), "Об адъютанте Ермилове, женившимся по высочайшему повелению на изнасилованной им девице" (1750). В этом проявилась определенная классификационная сложность, с которой столкнулись архивисты при разборе документов полтора века назад. Объединив их под категорией "нравственность", они вписывали этот архивный материал в контекст этических стандартов своего времени.[20] Достаточно сказать, что сам термин "нравственность" появился впервые в "Словаре Российской Академии" только в 1789 году, почти через полвека после описываемых событий.[21]

Тот же ретроспективный анахронизм обнаруживается и в современных интерпретациях предмета занятия Калинкинской комиссии. Один из немногих современных российских историков, уделивших внимание Калинкинской комиссии, Константин Писаренко, в своей монографии о жизни елизаветинского двора упоминает о ней в главе "Дела духовные", что, судя по тексту, можно воспринимать в качестве иронии.[22] Писаренко сводит эту историю к малозначительному скандалу, подчеркивая свое отношение отказом от использования аналитического языка в пользу стилистики бульварной прессы.[23] В недавней английской монографии, посвященной эволюции Санкт-Петербурга как "европейского" города и особенностям государственного регулирования городского пространства, комиссия упоминается

[20] Все названия дел, данные в современной описи, были сформулированы при описании фонда в середине XIX века, поэтому оригинальные начальные листы дел контрастируют с тем, что значится на обложке. Например, дело "О вдове капитана Марье Каленовской, арестованной за развратную жизнь", в 1750 году было открыто под заголовком "О капитанше вдове Марье Калиновской", а дело того же года "Об Анне Рагуншин и Дарье Логиновой, осужденных за развратную жизнь", начинается словами "О женках Анне Рагушин и Дарье Логиновой и о сказывании оной Рагушин за собою слова и дела государева и о рождении оной Дарьей Логиновой младенца".

[21] Е. Овчинникова. Этика и идеология: сценарии взаимодействия в русской культуре (XVIII – первая половина XIX века) // НЛО. 2015. № 3. С. 76.

[22] К. А. Писаренко. Повседневная жизнь русского двора в царствование Елизаветы Петровны. Москва, 2003. С. 401-418.

[23] Причем использованные Писаренко обороты, вроде "смазливенькие девицы", "заглянуть на огонек", "ублажать клиентов" и т.п. не просто пошлы, но не информативны и отражают лишь фантазии автора, а не материалы имеющихся документов – уже хотя бы потому, что в деле отсутствуют изображения арестованных.

в подразделе “аморальное поведение”.[24] Автор, Пол Кинан, уверенно объявляет кампанию, начатую “делом Дрезденши”, ответной реакцией на “организованную проституцию” и бездоказательно приписывает возникновение Калинкинской комиссии влиянию на Елизавету ее духовника Федора Дубянского.[25] При этом он допускает ряд серьезных фактических ошибок, которые влияют на понимание характера Калинкинской комиссии.

В частности, Кинан пишет, что все иностранные заключенные Калинкинского дома по окончании следствия были высланы в Ригу, а женщины русского происхождения – в Оренбург.[26] Действительно, 19 ноября 1750 г. Демидов обратился к императрице с просьбой подписать уже готовый “формуляр” (превратив его тем самым в указ), предлагающий такое решение. Очевидно, рассматривая свою миссию как сугубо полицейскую, с окончанием расследования дела он полагал свою задачу выполненной: “та комисия уже окончилась, страх же впереди всегда останется”.[27] Эти слова можно считать идеальной иллюстрацией тезиса Фуко о природе правосудия “старого режима” как отдельных показательных репрессий, которые обеспечивают поддержание правопорядка в обществе благодаря устрашающему воздействию на воображение свидетелей судебной расправы (“страх же впереди всегда останется”).[28] Но дело в том, что предложенное Демидовым решение не было принято императрицей, а значит, и логика работы Калинкинской комиссии вышла за рамки логично ожидаемого показательного наказания.

Комиссия пережила Василия Демидова и была распущена лишь в 1759 г., тогда же освободили последних обитателей Калинкинского дома – четырех мужчин и 70 женщин.[29] За девять лет Калинкин дом растерял большую часть своих обитателей. Одни сбегали, других отдавали “на росписку” мужьям или отцам, третьи уезжали в родные края благодаря вмешательству иностранных дипломатов. Характерно, что за эти годы он так и не обрел формального определения: тюрьма? приют? Это значит, что современники воспринимали его как совершенно особый институт, не соответствующий никаким знакомым прецедентам в России или за границей.

---

[24] Paul Keenan. St. Petersburg and the Russian Court, 1703–1761. Basingstoke, 2013.
[25] Ibid. P. 55.
[26] Ibid. P. 56.
[27] РГАДА. Ф. 8. Ед. хр. Д. 2. Л. 133 об.
[28] См.: М. Фуко. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы (1975). Москва, 2015.
[29] РГАДА. Ф. 8. Ед. хр. Д. 13. Л. 31.

Августейший гендер vs. социальная реальность

В указе от 1 августа 1750 г. Елизавета Петровна требует, чтобы арестованных препровождали в “Комиссию” в Калинкином доме, не сообщая при этом ни цели комиссии, на даже ее названия. Безымянную комиссию стали ассоциировать с особым заведением с неопределенным статусом, которое само использовало название здания – местной достопримечательности (Калинкин дом). Эта двухуровневая анонимность целенаправленной и весьма продолжительной деятельности правительственного учреждения, вершащего судьбы сотен людей, указывает на момент формирования нового смысла “из ниоткуда”, с нуля, когда нет даже готовых слов, способных выразить рождающееся новое содержание. Что же составляло предмет рассмотрения “Комиссии”, о чем были новые безымянные смыслы, оправдывавшие немалые расходы казны на Калинкин дом и комиссию?

Можно предположить, что российские власти следовали иностранному опыту, воспроизводя готовые образцы, но не очень понимая их суть. Известно, что примерно в это же время в Вене работала подобная комиссия под названием “Комиссия целомудрия” (*Keuschheitskommission*). Она также была создана по личной инициативе императрицы Марии-Терезии и упоминается во многих воспоминаниях современников, включая Казанову. В историографии встречаются расхождения по поводу датировки ее работы, поскольку источники, непосредственно проливающие свет на обстоятельства ее возникновения и деятельности, историками пока не обнаружены.[30] Среди возможных дат называют 1747, 1749 и 1751 годы. Таким образом, Елизавета Петровна могла вдохновиться иностранным примером или же, напротив, ее опыт мог послужить поводом к действию императрицы Священной Римской Империи.

На мой взгляд, какой бы ни была последовательность, значим сам факт создания комиссий по указанию *императриц*: конфликт гендера и его восприятия был значимым для обеих и даже в большей степени для официально незамужней Елизаветы Петровны. Как пишет Евгений Анисимов, “то, что русские императрицы XVIII века не состояли в браке, придавало восприятию и оценкам особую резкость и скабрезность. ... Это была одна из самых распространенных и широко обсуждаемых

[30] Stephan Steiner. “An Austrian Cayenne”: Convict Labour and Deportation in the Habsburg Empire of the Early Modern Period // C. G. De Vito, A. Lichtenstein (Eds.). Global Convict Labour. Leiden, 2015. P. 132.

тогдашним обществом ‘проблем’”.[31] Действительно, череда женских правлений спровоцировала возникновение сотен дел по “оскорблению” императриц, отложившихся в документах Тайной канцелярии: “Есть ли у нее муж? [А] если мужа нет, кто-де ее гребет?”[32] На своем собственном опыте Елизавета Петровна могла наблюдать, что мужская сексуальность реализуется намного свободнее и менее заметна для публики, в то время как к ее фигуре приковано недружелюбное внимание со стороны “подлых” подданных. В допросах Анны Фелкер фигурировали имена десятков вхожих ко двору мужчин, прибегавших к услугам ее “службы”. Среди тех, кого Фелкер принимала на набережной Мойки в доме генерал-прокурора князя Н. Ю. Трубецкого, упоминались камер-пажи Александр Александрович Нарышкин, Петр Борисович Шереметев, Иван Неронов, паж Василий Каро, гвардии капитан-поручик Иван Ларионович Воронцов, прапорщик Петр Алексеевич Татищев, который был сыном генерал-полицмейстера и впоследствии стал членом новиковского кружка и видным масоном,[33] братья князья Голицыны, лейб-медик Барре, присматривавший за здоровьем императрицы, офицеры морского флота Иван и Николай Сенявины.[34]

В то же время, вполне “естественная” мысль о том, что императрица обладает не только сакральной властью, но и телесными проявлениями (сегодня мы сказали бы: гендером и сексуальностью), воспринималась как шокирующая трансгрессия. За два года то создания Калинкинской комиссии было открыто следственное дело против солдата Степанова, стоявшего на часах перед императорской опочивальней. Мимо него в спальню прошли Елизавета и ее фаворит Алексей Разумовский, после чего караульный получил от лакея приказ сойти с крыльца и удалиться от дверей. Степанов начал спускаться по лестнице, когда в голову ему пришла мысль, позднее пересказанная на следствии:

> Помыслил, что Всемилостивейшая государыня с Разумовским блуд творят, я-де слышал, как в той палате доски застучали и меня-де в то время взяла дрожь и хотел-де я, примкнувши штык, того

[31] Е. Анисимов. Женщины у власти в XVIII веке как проблема // Vorträge des Deutschen Historischen Instituts Moskau. 26.04.2011. http://www.perspectivia.net/publikationen/vortraege-moskau/anisimov_herrschaft/.

[32] Там же.

[33] С. С. Илизаров. Московская интеллигенция XVIII века. Москва, 1999. С. 277.

[34] РГАДА. Ф. 8. Ед. хр.12. Л. 4-4 об.

> Разумовского заколоть, а означенного лакея хотел же прикладом ударить, только-де я испужался.[35]

Конфликт сакрального, телесного и символического чуть было не привел к кровавой развязке с участием императрицы.

И все же, параллелизм поведения двух императриц лишь подчеркивает специфику российского случая. Проблема защиты сакральности верховной власти незамужней женщины на троне от подрывного влияния любых намеков на ее телесность решалась по-разному в Австрии и в России. Венская "Комиссия целомудрия" поддерживала дискурс чистоты и контроля и в целом вполне укладывалась в программу "gute Polizei" регулярного государства. Калинкинская комиссия в обиходе называлась "комиссия о непотребных" (очевидно, под влиянием августовского указа, упоминавшего сыск "непотребных жен и девок"). "Целомудрие" – прямая противоположность "непотребству". Разница в названии указывает на различия задач. Комиссия Марии Терезии боролась с проституцией; Калинкинская комиссия пыталась решить вопрос, что делать с "непотребными".

Непотребство – не проституция, и с формализацией российского законодательства в XIX в. юристы четко разводили два понятия.[36] Да и Устав благочиния уже в 1782 г. определял проституток как тех, "кто непотребством имеет ремесло" (ст. 263), а не как самих по себе "непотребных женщин". В конце концов, указ Елизаветы Петровны открывался упоминанием "сводниц и блядей", давая повод для иного определения комиссии, но все же ее не назвали "о сводницах". Да и по ехидному свидетельству мемуаристов, заведения, подобные тому, что содержала Дрезденша, вновь распространились по городу всего спустя несколько лет после арестов 1750 г., а простонародным блудом "комиссия о непотребных" и не интересовалась. Непотребство – то, что не "потребно", не востребовано и не принято: девиация или трансгрессия.

"Ассамблеи" и "вечеринки": трансгрессия публичной сферы

14 сентября 1750 г. допрошенный в комиссии в связи с делом Дрезденши солдат семеновского полка Юрий Седерснер "по чистой своей совести" показал:

---

[35] Анисимов. Женщины у власти в XVIII веке как проблема.

[36] Ср.: Н. К. Мартыненко. Проституция в императорской России: от запрета к легализации // Новый исторический вестник. 2009. № 19. С. 30-37.

> на всех вечеринках дозволенных от полицы и от афицеров генерально о всех по чистой совести сказать, что почти все собранные и приезжающие под видом невест находились бляди и сводницы и больше для непотребных дел и бляцких амуров, где б кому с кем для того спознание лутшее возиметь, а не для протчаго обыкновенного увеселения, чего ради собирающияся из мужеских персон в некоторых домех содержателем вечеринок и давали по рублю и по полтине.[37]

Его описание передает полное соблюдение правил проведения ассамблей по указу 1718 г., за одним исключением: публика собиралась "больше для непотребных дел". Правда, и указ Петра I подтверждал, что у ассамблеи две равнозначные цели: дело и забава. И если автор указа старательно объясняет значение иностранного понятия ("ассамблея"), то русское слово "забава" кажется ему самоочевидным. Но разве "непотребство" не относилось к "забаве"? Новый формат досуга прижился в России, распространился в более широкой социальной среде и даже обрел местное название – "вечеринки". Параллельно характер и смысл ассамблей приспосабливался к интересам и потребностям местных жителей разных сословий.

"Вечеринки", о которых упоминает солдат, как и многие другие мужчины и женщины, допрошенные Комиссией, к середине XVIII века стали все шире распространявшейся практикой. Арестованная как "блядь" сержантская жена Наталья Селиванова рассказывала о своей социализации, которая, судя по всему, далеко не всегда предполагала "непотребство как ремесло":

> Вечеринок она нигде никаких не имела, токмо сама на оные хаживала и то по зову тех содержателей, а имянно у Пумлина раз семь, у иноземца Ягана Шулца один раз, у лакейской жены Анны Думиниус один раз, токмо тогда у ней была не вечеринка, но правили дочерни именины, у вышеписанного гвардии Преображенского полку салдата Дурнова два раза, Семеновского полку у салдата Сейдеиснера два раза, у бывше предъявленного у немчина Симона три раза.[38]

На вечеринки обычно приглашали музыкантов, как правило, из полковых или придворных оркестров, имея "удоволствие от танцования". "Вечеринки" Фелкер обслуживали музыканты лейб-гвардии Измайлов-

[37] РГАДА. Ф. 8. Ед. хр. 5. Л. 21.
[38] РГАДА. Ф. 8. Ед. хр. 10. Л. 25.

ского полка, которые получали от нее по четыре рубля, “а салдатам за их осторожность за каждую вечеринку давала по пятидесяти копеек”.

> С приходящих же на вечеринки мущин получала она себе с каждой персоны по рублю, а ни с кем не разделяла. А более того она, Дрезденша, вечеринок нигде не содержала, а таковые ж вечеринки почасту и почти всякое воскресенье и празник содержали Винцлерша, Геидеман и Удачка, Вольямутша, гвардии капрал Федор Пандеиской, портной мастер Андрей Помлин. И на тех вечеринках бывало по множеству разного звания народу и почасту бывали драки, что она и сама времянно едучи мимо их видала. Токмо у них на вечеринках не бывала.[39]

До 1745 г. такое времяпрепровождение рядовых петербуржцев, в начале века догматично насаждавшееся императором среди высшей знати, серьезно не контролировалось. Но крупная драка, произошедшая на Миллионной улице в доме вдовы корабела Меншикова 18 ноября 1744 г., стал причиной возникновения нового порядка – любой, кто пожелает устроить в своем доме вечеринку по случаю именин, крестин или без повода, обязан был получить на это разрешение в Главной полицмейстерской канцелярии.[40] Выданный “билет” предъявлялся в съезжей по территориальному принципу, где на вечеринку для охраны порядка выделялся небольшой караул.[41] Усиленный контроль казался многим обременительным, а потому вокруг несанкционированных вечеринок возникла сфера трансгрессии. Изменились не сами вечеринки, а официальные ограничения, и трансгрессия самовольных вечеринок высветила природу и масштаб этих ограничений: власти пытались регламентировать “забаву” и “дело”, но не смысл этих понятий.

Между тем, расширилось понимание не только “забавы” на “народных” ассамблеях, но и “дела”. Теперь вечеринки могли служить не только для развлечения или сводничества, но и заработка, как для Ягана Юсли, уроженца “швецкой нации, города Вильманстранда, люторскаго закона”, сорока пяти лет.

> Назад тому года с три содержал он, живучи у триумфальных ворот в доме Измаилова один раз вечеринку по данному от него в полицию прошению и по данному ему из оной билету, а содержал

[39] Там же.

[40] Писаренко. С. 411-412.

[41] Такой билет сохранился в одном из дел, см. РГАДА Ф. 8. Ед. хр. 10. Л. 28-29.

он ту вечеринку для своей бедности, желая получить себе от того прибыток, а не по научению чьему, но сам собою.[42]

Как и предписывал указ 1718 г., на вечеринках завязывались знакомства, только теперь они зачастую перетекали в однократную или постоянную сексуальную связь без обязательств, за плату или за держание мужчиной женщины "на своем коште". "Дело" и "забава" начала переплетаться совсем не в том смысле, какой вкладывался автором "указа об ассамблеях". Однако формально это никак не противоречило принципу проведения ассамблей – просто являлось трансгрессией изначально заданных ограничений поведения и толкования понятий "дела" и "забава".

Другим заимствованием из практики аристократических ассамблей на простонародных вечеринках был "маскерад", столь популярный при дворе Елизаветы Петровны. Причем дворцовые маскарады предполагали не просто ношение необычных костюмов и масок, а переодевание в одежду противоположного пола ("метаморфозы"). Эти балы воспринимались как рутинная "забава", поначалу их проводили дважды в неделю. О страсти Елизаветы Петровны к маскарадам с четко регламентированным обменом гендерными ролями – женщины обязательно в "ковалерском платье", а мужчина в "самарах" – вспоминала впоследствии и Екатерина II.[43] Этому способствовала мода эпохи рококо, максимально сближающая женский и мужской костюм. Исследователи, пишущие о театральных постановках при французском дворе этого времени, отмечают, что эстетизация смены гендерных ролей достигла такой степени, что "травести начало мутировать в трансвестизм".[44] И все же практика переодеваний стала восприниматься как скандал и вызов общественным нормам (т.е. как трансгрессия), лишь распространившись за пределы аристократических кругов, вне игривой культуры рококо, в которой эротизм и намек на смещение традиционных гендерных стратегий являлись лишь одним из компонентов стратегии перекодирования "естественности" в изысканную декоративность.

Источники свидетельствуют, что увлечение маскарадами очень быстро вышло за пределы царственных покоев и стало частью городской культуры развлечений:

---

[42] РГАДА Ф. 8. Ед. хр. 169. Л. 3 об.

[43] Императрица Екатерина II. "О величии России". Мемуары. Избранные письма. Москва, 2003. С. 491, 510, 530, 571. Самара, самарка – одежда с длинными полами.

[44] Melissa Lee Hyde. Making Up the Rococo: François Boucher and His Critics. Los Angeles, 2006. P. 150.

> В прошлом 1747 году в феврале месяце по прошениям ея в полиции даны ей были из оной о содержании вечеринок билеты, по которым она, наняв в доме Белосельском особливые покои, содержала во оном же месяце по три раза вечеринки и для охранения были ис полиции по тем билетам присылаемы к ней салдаты, токмо оные ее не приняты, а охраняли ее состоящие у онаго Белосельскаго морскаго флота салдаты. А за дачу билетов полицеиским судьям и секретарям, и приказным служителям ничего в подарок не давала. И на тех вечеринках были токмо одне гвардии и наполных полков афицеры и те, кои из дворянства. И на первой вечеринке были в масках Марья Бина, Анна Анбахарша, да швецкая порутчица Дилигринша. Да без масок: живущия у ней девки, –

показывала на допросе Анна Фелкер.[45] Более того, очередным проявлением трансгрессии “забавы” и “дела” стало использование “метаморфоз” для облегчения нарушения социальных границ и проникновения на территорию, отгороженную по гендерному или сословному принципу: “а между оными есть такие жонки, кои надевая на себя афицерское платье в честные домы и на кабаки прихаживали, называясь офицерами, и непотребствовали”.[46] Как в игре зеркал, “забава” (вечеринки) переходила в “дело” (проституцию) при помощи “забавы” (переодевания), имитирующей “дело” (офицерский мундир как пропуск в недоступное простолюдинкам общество).

Таким образом, цепочка трансгрессий не только высвечивала реальную протяженность (“безмерную дистанцию”) официальных ограничений, как полагал Фуко – в данном случае, переплетение сословных границ, сегрегированного социального пространства и гендерного режима. Эта замкнутая цепочка создавала новую социальную реальность, в которой с сегодняшней точки зрения мы можем уверенно идентифицировать современные практики и отношения сексуальности, а в 1750 г. о них лишь догадывались, не находя еще подходящих слов кроме общего ярлыка “непотребства”. Так, сегодня невозможно игнорировать явные эротические обертоны, в которые было окрашено это лицедейство. Если бы речь шла о более позднем периоде (например, о дрэг-балах в Гринвич-Виллидж в Нью-Йорке в начале XX века), можно было бы с уверенностью говорить о том, что целью участников переодеваний было стремление подорвать привыч-

[45] РГАДА. Ф. 8. Ед. хр. 10. Л. 4.
[46] РГАДА. Ф. 8. Ед. хр. 2. Л. 83.

ный гендерный баланс, с тем чтобы хотя бы на время символически (и часто практически) выйти за рамки принятой сексуальной морали.[47] Но в 1750 г. мы обнаруживаем отсутствие средств для выражения и даже осмысления нового содержания – за исключением самой практики трансгрессии.

Трансгрессия приобретает функцию языка, когда в ее рамках начинают устанавливать твердые ограничения, нарушение которых само воспринимается как недозволительная трансгрессия. (Тем самым, трансгрессия получает возможность высказывания и "да", и "нет" в ответ на конкретную ситуацию.) Характерным примером этой функции трансгрессии является следующий эпизод. На одном из допросов Фелкер рассказывает о прапорщике Викторе Смирнове, который вместе с группой солдат, десятских и фурманщиков веселился и пьянствовал, а затем "нагластию разломав у ней Дрезденши двери, ворвались в покои и просили у ней для блуда девок, *токмо она тогда им не дала*, и для того они хотели и ея изнасильничать и неудовольствовав тем, взявши имевшеися у ней в покоях с ея богажем сундук".[48] Фелкер, с формальной точки зрения зарабатывающая предоставлением услуг проституируемых женщин, предпочла материальный и физический ущерб согласию предоставить услуги проституток. Этот эпизод кажется бессмысленным, если не увидеть в парадоксальном самоограничении трансгрессии определенного высказывания – пусть и не вербализированного.

Конец "блуда"

Конфликт с прапорщиком Смирновым проявил столкновение "блуда" с иной формой трансгрессии, в которую была вовлечена Дрезденша. Перечень ее клиентов не позволяет однозначно объяснять различия ее "непотребства" от "блуда" одним лишь социальным статусом мужчин. Да и само старорусское понятие "блуда" к этому времени теряет былую синкретичность, охватывающую все проявления сексуальности.

Судя по источникам раннего нового времени, церковь серьезно наказывала за внебрачную сексуальную связь и преследовала "грешников" в одних случаях епитимьей, в других заключением в монастырь.[49] И все

---

[47] Elison Oram. Cross-Dressing and Transgender // Palgrave Advances in the Modern History of Sexuality. Basingstoke, 2006. P. 260.
[48] РГАДА. Ф. 8. Ед. хр. 12. Л. 42.
[49] Н. Бошковска. Мир русской женщины семнадцатого столетия. Санкт-Петербург, 2014. С. 95-103.

же “блуд” как социальная проблема ассоциировался, главным образом, с целенаправленным обменом сексуальных услуг за вознаграждение и пособничество в организации того, что позднее стали называть проституцией. Как проблема общественного порядка (а не только морали), блуд не воспринимался как сугубо столичный феномен. Нада Бошковска в своей монографии о русской женщине в XVII веке приводит эпизод 1641 г., когда в сибирском Тобольске кнутом были наказаны женщина и казак, первая за сводничество, второй за “блядню”.[50] Бошковска пишет о проблеме сводников и сводниц и в деревнях, отмечая, что подобное обвинение часто соседствовало с другими и, как правило, падало на женщину, уже “обремененную прегрешениями перед обществом”.[51] И все же отсутствие крупных городов, строгий и плотный религиозный и общинный контроль в деревне, недостаточно высокий уровень миграции[52] и недостаток факторов, способствующих ей, препятствовали развитию организованной проституции.[53]

Понятие “блуд” теряет свою прежнюю однозначность в начале XVIII в. Исключительную терминологическую путаницу (трансгрессию) демонстрирует “Ведомость, кто имяны в главную полицию в приводах были в непотребствах женки и девки”, которая охватывает первое десятилетие правления Елизаветы Петровны (1741–1750). Женщин, доставлявшихся в Главную полицмейстерскую канцелярию, обвиняли в “блудническом житье”, “непотребстве”, “блудном падении”, “сводничестве”.[54] Несмотря на разнообразие формулировок и, вероятно, различия в наказуемых проявлениях сексуальности, всех арестованных наказывали одинаково, согласно старым правовым нормам, каравшим “блуд”: женщин секли публично кошками на Морском рынке и отдавали на поруки “с роспискою” родственникам и знакомым (только

---

[50] Там же. С. 107.

[51] Там же. С. 108.

[52] Этот тезис в рамках историко-логического метода спорен и нуждается в отдельном исследовании. Миграция населения до XVIII века “видна” в источниках гораздо хуже, что не может быть доказательством ее отсутствия.

[53] Перспективным сюжетом может быть исследование социальных последствий возникновения в России регулярной армии, в том числе стихийной проституции. Связь между распространением проституции и армейским бытом достаточно подробно рассматривается на примере западноевропейских стран. Barton Hacker. Women and Military Institutions in Early Modern Europe: A Reconnaissance // Signs. Vol. 6. No. 4. 1981. Pp. 643-671.

[54] РГАДА. Ф. 8. Ед. хр. 2. Л. 26-35.

мужчинам).[55] Ведомость насчитывает более 50 женщин, подвергшихся за это время подобному наказанию.

Трансгрессия позволяет проблематизировать логику законодателя. Дело в том, что, в принципе, в обществе существовала крайне нюансированная классификация разных типов ненормативной сексуальности и, теоретически, эта классификация могла бы быть использована светскими властями. Православная церковь выполняла важные функции контроля населения, позднее перенятые государством, и от того, насколько эффективно и адекватно церковь разбиралась в подобных делах, зависела ее легитимность. В частности, в ведении церкви находился порядок заключения и расторжения брака, а значит, и последующий статус мужчины и женщины в обществе, а также их имущественные отношения. Поэтому церковь должна была следовать в решении таких дел четким критериям. В русских епитимийниках вопросы о "блуде" занимали центральное положение, им уделялось порой до 2/3 объема текста.[56] Все сексуальные прегрешения были предельно четко определены и на исповеди обязательными были вопросы отдельно о блуде (отношении неженатых людей), отдельно о прелюбодеянии (внебрачных отношениях состоящих в браке), о кровосмешении, о сводничестве.[57] Наказание налагалось по тяжести греха.

---

[55] Многочисленные петровские указы и Артикул воинский ни упростили процедуру развода, ни поставили наказание за преступления в области сексуальности – блуд, изнасилование, прелюбодеяние – под единую правоприменительную практику. Приговоры в делах калинскинских заключенных практически отсутствуют, а исключения не позволяют сделать вывод о закономерностях в применении законов: фигурируют ссылки и на Воинский Артикул, и на Соборное уложение, и на Кормчую. Так или иначе, женщин секли публично кошками, используя в документах, по-видимому, понятную всем вовлеченным лицам формулу "за ее непотребства в нынешнем лете от полици была публично сечена кошками". В рамках данной статьи петровское семейное законодательство не рассматривается в качестве отдельной проблемы, дореволюционная литература по этому сюжету обширна: Д. Азаревич. Семейные и имущественные отношения по русскому праву // Журнал гражданского и уголовного права. 1883. № 4; Г. В. Бертгольдт. Законы о правах и обязанностях, от супружества возникающих. Москва, 1881; Н. А. Заозерский. Государство и церковь в деле законодательства о поводах к разводу. Санкт-Петербург, 1913; В. С. Лазовский. Личные отношения супругов по русскому обычному праву // Юридический вестник. 1883. № 6-7. С. 358-414; В. Н. Никольский. Обзор главнейших постановлений Петра I в области личного семейного права. Ярославль, 1857.

[56] М. В. Корогодина. Исповедь в России в XIV–XX вв. Москва, 2006. С. 129.

[57] "А се грехи злые, смертные...": Любовь, эротика и сексуальная этика в доиндустриальной России / Отв. ред. Н. Л. Пушкарева. Москва, 1999. С. 13-117.

Однако и в Ведомости за 1741–1750 гг., и в делах самой Калинкинской комиссии наблюдается совершенно произвольное обращение с терминами. Это означает, что церковный дискурс сексуальности оставался совершенно не востребован светской властью, которая исходила из некой собственной логики. По сути, такими словосочетаниями как “развратная жизнь”, “порочная жизнь”, “непотребство”, “безнравственное поведение”, “прелюбодейство”, “блудное падение” чиновники пользовались в качестве синонимов, не увязывая их строго с фабулой дела.

Например, Арина Никитина, осужденная за “развратную жизнь”, была замужней женщиной, и ее называли в документах “прелюбодейкой”.[58] Лакейская дочь Авдотья Станиславова, осужденная за развратную жизнь в 17 лет, к тому моменту была уже вдовой.[59] Это не мешает, однако, называть ее “блудницей”, “развратницей”, “непотребной женкой”, “блядью”. Невенчанная жена фельдшера Матвея Михайлова Прасковья Иванова, муж которой был обвинен в “блудном житии” с ней и в том, что “прижил с ней в блуде двоих детей”, названа “блядью”,[60] хотя она не обвинялась в сексуальной активности с кем-либо другим. Жена канцеляриста Анна Васильева, обвиненная в прелюбодеянии, также названа “блудницей”, “блядью” и “развратницей”.

Можно было бы предположить, что прелюбодейством называли измену супруги своему мужу, а блудным падением – связь незамужней женщины с мужчиной. Однако употребление этих терминов в указанной ведомости и в остальных делах Калинкинской комиссии свидетельствует о том, что зачастую они лишь обозначали нарушение того, что сейчас мы называем “общественной моралью” и никак не характеризовали фабулу дела. Например, жена извозчика лейб-гвардии конного полка Кузьмы Журнавлева Авдотья Кирилова была обвинена в “блудном падении”, а не в прелюбодеянии.[61] Жена солдата лейб-гвардии Преображенского полка Ульяна Тимофеева также обвинена в “житии блудном” с капитаном Василием Барыковым.[62] Порой с существительным соседствовали эпитеты “всемирная”, “настоящая”, “явная блядь”.

Такие блуждающие определения женских проступков, нечеткое, многословное их обозначение, говорят о том, что власти не интере-

[58] РГАДА. Ф. 8. Ед. хр. 180.
[59] РГАДА. Ф. 8. Ед. хр. 93.
[60] РГАДА. Ф. 8. Ед. хр. 130.
[61] РГАДА. 8. Ед. хр. 2. Л. 24.
[62] Там же.

совали нюансы конкретных обстоятельств прегрешений женщин (за исключением сводничества). Их волновал сам феномен трансгрессии, который не подпадал под однозначное определение "непотребного ремесла" и приобрел ранее не существовавшие формы и масштаб. По мнению Раймонда Уильямса, именно изучение "колебаний и путаницы значения" слов дают возможность проникнуть в социальную действительность прошлого "в историческом времени".[63] Терминологический клубок понятий отражал специфический характер восприятия властями явления, с которым они столкнулись – это уже не единичный блуд или частное проявление греховности, но что же?

В результате, вся деятельность Калинкиной комиссии сосредоточилась на исследовании нового феномена, который нам сегодня кажется естественным назвать "сексуальностью", но в 1750-х гг. такого понятия не существовало. В качестве современной аналитической категории "секс" обозначает не столько физический половой контакт, сколько сферу воображения и публичного дискурса, по-разному представляющих и трактующих этот контакт. Проституция непосредственно связана с сексом, но далеко не исчерпывает сферу сексуальности, как и внебрачные связи и другие традиционные формы "блуда". Зато, как стало очевидно в ходе расследования дела Дрезденши, не имеющая еще особого названия сфера сексуальности была связана с формами досуга высшего общества (включая вполне официальные и невинные "ассамблеи" или придворные балы и спектакли). Сексуальная трансгрессия и подрывала установленный порядок, и проявляла его новый, стихийно возникающий "сексуальный" смысл, что требовало специального разбирательства.

Все женщины, помещенные в Калинкинский дом, подробно допрашивались. Сергей Лавров отмечает, что "роспросные речи" XVIII века по сравнению с расспросами века XVII необычайно подробны.[64] Однако в данном случае детализированность "роспроса" была усилена за счет необходимости властей четко разделять невенчанные браки и регулярное "блудное" поведение "подлинных блядей". И хотя допросы являлись продуктом коллективного голоса, а не выражением прямой речи подследственного, масса фактических сведений, до сих пор не попадавших в фокус внимания властей, оказалась запечатленной на бумаге.

---

[63] Raymond Williams. Keywords: A Vocabulary of Culture and Society. London, 1976. Критику этого подхода см.: Quentin Skinner. The Idea of a Cultural Lexicon // Essays in Criticism. Vol. 3. 1979. Pp. 205-224.

[64] А.С. Лавров. Колдовство и религия в России. 1700–1740. Москва, 2000. С. 27.

Трансгрессия и формирование нового социального пространства

Главная мишень расследования, 38-летняя на момент ареста Анна Фелкер, начала сотрудничать со следствием сразу.[65] Она показала, что приехала в Россию в 1734 г. и через год вышла замуж за “иноземца” на русской службе, военного Фридриха Фелкера. Но уже в 1740 году в Юстиц-коллегии Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел был произведен развод за ее “прелюбодейство”, которое она убедительно объясняла обстоятельствами жизни: “оной муж ее по взятии ее в замужество жил с нею дней з десять и при бывшем фелмаршале Минихе во услужении отлучился в армию, где он и был долгое время, а ее Анну оставил в Санкт Питер Бурге без всякого пропитания”.[66] Анна с самого начала активно социализировалась в городе. С помощью адъютанта фельдмаршала Миниха Ильи Мазовского она получила паспорт и смогла съездить домой. Из Берлина в Петербург Анна привезла с собой четырех девушек, которые “*пожелали* с ней Анной ехать”. Две ее быстро покинули, остались Лоцкин и Марья.

> И оная Лоцкин от нее Дрезденши вскорешь ушед и жила блудно з жидом, которой был у Лидмана кухмистером два месяца, а оттоле паки к ней Дрезденши пришла, и теми двумя девками она Дрезденша сводничала, которых блудили разных нацей приезжающие иноземцы: шхипары и разных чинов российские люди за получаемую от них плату, которую она с теми девками разделяла пополам.[67]

Со временем Анна превратилась в настолько заметную фигуру в городской среде, что на нее реагировали даже дети. В одном из допросов она рассказывает, что “когда она, Дрезденша, мимо двора их езживала [советника Андрея Карташева], то над ней как дети, так и люди посмеяние чинили”.[68] Примечателен и характер эмоции обывателей – не злость, тревога или отвращение, но смех, ярко демонстрирующий определенный сдвиг в восприятии стандартов “честного поведения”. До определенного времени сплетни не приносили Анне никакого вреда благодаря тому, что она была достаточно искусна в создании и поддержании нужного круга знакомств. Так, Фелкер познакомилась с протоколистом Главной полицмейстерской канцелярии Петром Вязьминым,

---

[65] Ее дело отложилось в фонде под № 12.
[66] РГАДА. Ф. 8. Ед. хр. 12. Л. 1.
[67] РГАДА. Ф. 8. Ед. хр. 12. Л. 1 об.
[68] РГАДА. Ф. 8. Ед. хр. 12. Л. 7 об.

какое-то время жила в его доме, а затем поддерживала отношения. Вот, как описывает она их приятельство: “обхождение и знакомство имели и друг к другу на вечеринки езжали, а она, Дрезденша, по призывам от них в дом их и в бане многократно мывалась”.[69] Близость к чиновнику, ответственному, в конечном итоге, за то, будет ли зафиксирована чья-то жалоба, последует ли расследование из-за драки или скандала, много значила для специфики занятия Фелкер.

Помимо уже упомянутых придворных, рядовых дворян и даже младших офицеров, Фелкер оказывала услуги и высшей знати. На одном из допросов она показывает: “Рекомендованные от нее для блуда были: девка Авдотья Станиславская цесарскому послу Брекло,[70] к саксонскому посланнику графу Фистум. Девка Билга графу Федору Андреевичу Апраксину.[71] Василиса руская к барону Сергею Строгонову,[72] которая и поныне у него имеется”.[73] “Она ж Дрезденша призывана была х князь Борису Васильевичу Голицыну,[74] которой просил, чтоб хорошую девочку для блуда к нему сыскать, почему и приведена ею была девка Анна Елизабет, которая им неведомо чего ради не принята, а та девка где ныне живет не знает”.

Важно отметить, что когда вдова трактирщика Пепхина Анна подослала к Фелкер “на работу” своих дочерей “для отвода ради блуда к графу Апраксину”, та “за непонятностию их обхождения к нему не возила, понеже о том оной граф ее Дрездиншу просил”.[75]

Эти свидетельства дают неполную, но уникальную картину эволюции нравов титулованного столичного дворянства, допускающего невероятную социальную трансгрессию в сфере безымянной пока сексуальности. От мужчин, представляющих эту страту, в XVIII веке было привычнее ожидать принуждения своих крепостных к сожитель-

---

[69] РГАДА. Ф. 8. Ед. хр. 12. Л. 67 об.

[70] Австрийский посол Иоганн Франц Бретлах, в России с 1745 г.

[71] Камергер, генерал-поручик (1703–1754).

[72] Барон, камергер, генерал-лейтенант (1707–1756).

[73] РГАДА. Ф. 8. Ед. хр.12. Л. 6.

[74] Адмирал, князь (1706–1768).

[75] РГАДА. Ф. 8. Ед. хр.12. Л. 8. Впоследствии Апраксин все-таки нашел с помощью Анны Фелкер девушку – немку Марью Бринкен: “после чего оная Дрезденша и сама к ней Марье приехав, говорила, что требует у нее граф Федор Андреевич Апраксин для ево одной персоны хорошей девушки и не желает ли она к нему итти” (РГАДА. Ф. 8. Ед. хр. 42. Л. 4). Это дело, как и многие другие дела о сожительстве крупных вельмож с девушками, возникшие в ходе работы Калинкинской комиссии, заслуживает отдельного рассмотрения в контексте практики либертинажа.

ству. Здесь же мы видим, что они предпочитают обратиться к услугам женщин почти столь же “подлого” социального статуса, но на совершенно иных условиях, в поисках совершенного иного опыта, который ассоциировался с подопечными Дрезденши.

На языке эпохи, этот опыт переживания сексуальности как продукта дискурса, как культурного феномена, связывался с “либертинажем” – хорошо изученным в западноевропейской историографии феноменом, особенно на французском материале.[76] Свободная от религиозных и моральных условностей сексуальность, цивилизованная и утонченная, отрицающая насилие и воспевающая игру, трансгрессию и освобождение от социальных норм, была характерна для истинно “просвещенных” мужчин и женщин, как правило, занимавших высшее положение в обществе. Сфера либертинажа простиралась значительно дальше шедевров эротической прозы этого периода, написанных на французском языке, проявляясь в повседневных практиках и понятиях представителей средних городских слоев, чьи моральные, религиозные и интимные представления также переживали серьезную диффузию в зависимости от локального контекста. Это явление подпитывалось свободным распространением печатной продукции.[77]

“Непонятность обхождения”, о котором упоминает Анна Фелкер, могла быть серьезным препятствием для переживания “романтического эротизма”.[78] Разумеется, этот термин не упоминался на допросе Фелкер, поскольку никто из присутствующих на нем не смог бы его сформулировать. Очевидно, однако, что практика “потребления секса” в компании специально разысканных женщин – “матрес”,[79] не была ограничена лишь удовлетворением полового инстинкта, а означала нечто большее – появление новой культуры *интимного* досуга.

“Деловой” подход к “забаве” служил логичным развитием изначального проекта петровской ассамблеи и шире – его политики *культурного* освоения городских пространств. Летние сады становились важней-

---

[76] By Peter Cryle and Lisa O’Connell (Eds.). Libertine Enlightenment. Sex Liberty and Licence in the Eighteenth Century. Basingstoke, 2003. Pp. 2-13.

[77] The Invention of Pornography. Obscenity and the Origins of Modernity, 1500–1800. New York, 1996.

[78] Romantic Erotism. Подробнее об этом: R. Trumbach. Modern Prostitution and Gender in Fanny Hill: Libertine and Domestical Fantasy // G.S. Rousseau and Roy Porter (Eds.). Sexual Underworlds of the Enlightenment. Chapel Hill, 1988. Pp. 69-86.

[79] Метресс.

шими точками притяжения социальной жизни, массовые гулянья и религиозные праздники часто сопровождались театрализованными представлениями, соревнованиями, фейерверками, сооружением ледяных гор, популярными в Москве и Петербурге. Эти виды досуга целенаправленно инкорпорировали *всех* горожан, особенно в Санкт-Петербурге, под руководством императора, порой самолично проверявшего качество фейерверка, в городское сообщество.[80] Приобщение к цивилизованному досугу через "веселие" и "красоту града", реализуемое Петром в Петербурге, символизировало желаемое вхождение страны в орбиту европейского культурного пространства.[81]

Петр I сам решал, кто, на каких условиях и на какой срок может приобщиться к общему социальному пространству.[82] Принявшее петровские новшества общество пыталось давать свои ответы на эти вопросы и, хотя с точки зрения властей самодеятельность могла восприниматься как трансгрессия, по сути речь шла лишь о последовательном "творческом развитии" изначального замысла. Анна Фелкер в этом контексте являлась актором, который пропагандировал новую культуру либертинажа, невзирая на жесткие внутренние границы "городского сообщества", на самых верхах и в низах.

Воплощая социальную и моральную трансгрессию, одновременно Анна Фелкер регламентировала культуру, процедуру и саму "логистику" возникающей сферы свободной сексуальности. Она четко разграничивала секс и сексуальное насилие, которым ей и ее подопечным порой угрожали местные мужчины, незнакомые с культурой либертинажа и привычные к синкретичности "блуда" как одновременной реализации разных телесных побуждений. Она же сформулировала правила, действовавшие и для домов более низкого уровня, которые организовывали "отошедшие" от нее женщины, в основном русские: половина от платы хозяйка заведения забирает себе (от 20 до 40 копе-

[80] Paul Keenan. St. Petersburg and the Russian Court, 1703–1761. Pp. 92-124.

[81] Петербургу как символу и анализу его хронотопа, пространства, литературного и художественного облика в умах современников посвящена новаторская монография Ольги Агеевой. О. Г. Агеева. "Величайший и славнейший более всех градов в свете". Град Святого Петра. Петербург в русском общественном сознании XVIII века. Санкт-Петербург, 1999.

[82] Берхгольц не единожды упоминал, как Петр во время празднеств выходил из-за стола, чтобы отдохнуть, но запрещал делать это другим, а порой и приставлял к вынуждено веселящимся охрану. Ф. В. Берхгольц. Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца. 1721–1725. Москва, 2000. Ч. 1. С. 182, С. 229.

ек для незнатных клиентов),[83] содержание “женок и девок” “на своем коште”, запрещение оставаться мужчинам на ночь за исключением специально оговоренных случаев (sic!). Корчмы больше не являлись главными “подозрительными” местами в прежнем смысле,[84] практика потребления секса переместилась в специально нанятые покои, которых в Петербурге было предостаточно.

Санкт-Петербург как социальная фабрика трансгрессии

Организация санкт-петербургского городского пространства и установившиеся ко второй четверти XVIII века условия жизни в столице империи могут быть рассмотрены в качестве ключевых факторов, способствовавших оформлению специфических, неизвестных ранее форм интимности в масштабах пока только одного российского города.

Этому способствовало то, что Петербург жил в совершенно отличных от остальной страны условиях и являлся уникальным городом в контексте эволюции гендерного режима и понятия об интимности в целом. В первой половине XVIII в. значительная часть населения города относилась к категории бессемейных людей: отходники, временные работники, наконец, солдаты. “Семьи имели лишь постоянно проживавшие в Петербурге казенные мастеровые”[85].

К середине XVIII века Санкт-Петербург был самым динамично развивающимся городом страны. Торговый порт привлекал иностранных купцов, здесь высаживались моряки и военные, оказывая значительное влияние на социальный ландшафт и самовосприятие горожан, делая их более привычными и открытыми к межконфессиональным и межнациональным контактам. В качестве индустриального центра Петербург являлся сосредоточением мужской рабочей силы, занятой в тяжелой промышленности и на государственных мануфактурах. К середине века

---

[83] Чтобы было ясно соотношение цены за современный секс и средней платы, стоит указать, что основная масса квалифицированных работных людей в середине XVIII века зарабатывала от 2 до 5 рублей в месяц. См: Очерки истории Ленинграда. Период феодализма (1703–1861 гг.). Т. 1. Москва-Ленинград, 1955. С. 85.

[84] Сенатский указ от 6 мая 1736 г. “О недержании в трактирных домах непотребных женщин и о воспрещении иметь пивоварни между жилых домов” отмечал “...понеже Правительствующему Сенату известно учинилось, что во многих вольных домах чинятся многие непорядки, а особливо многие вольнодумцы содержат непотребных женок и жевок, что весьма противно христианскому благочестивому закону”. ПСЗРИ. Т. 9. № 6947. 6 мая 1736.

[85] Семенова. Рабочие Петербурга в первой половине XVIII века. С. 192.

в столице увеличивается не только количество людей, работающих на частных и казенных мануфактурах, но и число тех, кто обслуживает жизнь города – коммунальные нужды и торговлю. Население города к этому времени составляло почти 75 тысяч человек.[86]

Огромное количество иностранцев, представителей различных конфессий, превращают Петербург в город значительно более секулярный, нежели Москва. В Санкт-Петербурге с его "министерством религии" – Священным Синодом – было на удивление мало церковнослужителей.[87] Этим объяснялся менее плотный религиозный контроль и по сравнению с "древней столицей", и тем более по сравнению с другими городами страны и деревней. Приезжие из разных концов России и европейских стран расцвечивали город пестрыми звуками и обликами: говоры, языки, манера держать себя, одежда, бытовые привычки разнились, образуя не похожий ни на один другой собирательный портрет столицы империи. Кроме того, его основное население было все еще очень молодо. Лишь первое поколение петербуржцев, рожденных в городе, взрослеет к середине XVIII века, что отразилось и в словоупотреблении: термин "петербуржцы" появляется в документах только во второй половине XVIII в.[88] Это говорит о длительном и сложном процессе складывания самоидентификации горожан, растянувшемся на десятилетия. Сфера потенциальных потребителей новой культуры сексуальности была обширна и представлена разными социальными стратами. В городе живет и учится молодое элитное дворянство, служит титулованное дворянство, тут же расположен императорский двор и его многочисленный обслуживающий персонал с неплохим доходом: садовники, парикмахеры, ювелиры, повара.

Архитектурные и пространственные особенности имеют не меньшее значение, чем социальные, в контексте изменений поведенческих норм. Двор государыни в пространстве Санкт-Петербурга оказывается

---

[86] По крайней мере, именно в эту цифру верили сами власти. Составленная в сентябре 1750 г. генерал-полицмейстером Татищевым по приказу императрицы "Ведомость о численности жителей Петербурга" насчитывает "всего мужеска и женска – 74043" жителей. РГАДА. Ф. 16. Внутреннее управление. Оп. 1. Ед. хр. 459. Л. 11. Из них мужчин 45230 и женщин 28813. Однако не были посчитаны дети, специалисты полагают, что на детей отводится 20-25 % жителей города. Это значит, что примерная численность населения, включая детей, около 95 тысяч человек. См. Очерки истории Ленинграда. Период феодализма (1703–1861 гг.). Т. 1. Москва-Ленинград, 1955. С. 104.

[87] Агеева. "Величайший и славнейший более всех градов в свете". С. 102.

[88] Она же. С. 98.

намного ближе горожанам вследствие более компактной организации столицы по сравнению с Москвой.[89] Это делает его более доступным для наблюдения и подражания, открывая дополнительные возможности трансгрессии.

Еще одно существенное отличие архитектурного ландшафта Санкт-Петербурга от старой столицы – его *регулярность*, противопоставленная многовековой московской стихийности с ее узкими, петляющими улочками, через которые не всегда мог пробраться не только экипаж, но и повозка.[90] Улицы Санкт-Петербурга и их устройство с самого начала были в центре внимания Петра I. Еще в 1714 г. был выпущен указ, согласно которому "по всем улицам застраивать строением, а не заборами и конюшнями; конюшни и сараи строить внутри двора".[91] Таким образом, Петр прерывал давнюю традицию, перекраивая привычный для глаз горожан порядок организации общественного пространства. И еще раз уточнял: "с улиц и переулков чтоб все занято было жильем".[92] В 1718 г. появился еще один указ, регламентирующий, казалось бы, совсем уже несущественные детали – построенные регулярно строения не могли выходить за линию и из линии, "чтоб все улицы и переулки были равны и изрядны".[93] Именно поэтому впоследствии улицы Васильевского называли "першпективами" и "линиями". По сути, именно благодаря этим дотошным указаниям Петра I спустя три десятилетия "девка Марихин Лусии безстыдно идущему по улице народу в окно стукивала, для того чтоб к ним шли для блуда",[94] ведь все окна домов выходили на улицу. Ограничение порождает трансгрессию, напрямую отражающую характер самого ограничения.

Каменная застройка Петербурга домами, которые мы сейчас назвали бы многоквартирными, создала условия для появления ранее недоступного *интимного* пространства для "подлых страт". В то время как остальная Россия, включая во многом и Москву, жила

[89] Подробнее концепт social spaces на российском материале разворачивается в новейшей немецкой монографии. Benjamin Schenk. Russlands Fahrt in die Moderne: Mobilität und sozialer Raum im Eisenbahnzeitalter. Stuttgart, 2014.

[90] С. П. Луппов. История строительства Санкт-Петербурга в первой четверти XVIII века. Ленинград, 1957. С. 56. Впрочем, стоит отметить, что и Петербург во время строительства пережил этап "узких улочек" с кривыми временными деревянными домишками по бокам.

[91] ПСЗРИ. Т. 5. № 2792. 4 апреля 1714.

[92] ПСЗРИ. Т. 5. № 2855. 4 ноября 1714.

[93] ПСЗРИ. Т. 5. № 3203. 25 мая 1718.

[94] РГАДА. Ф. 8. Ед. хр. 29. Л. 6.

преимущественно в деревянных избах, состоящих из одной общей комнаты, в которой и спали, и ели (более зажиточные горожане могли, разве что, добавить дощатые сени),[95] каменные строения Петербурга принимали не только дворян и высшую знать, но и их слуг, а также многочисленных приезжих – солдаток, иностранок, наемных работников, государственных мелких служащих, каждый из которых мог снять так называемый "угол". Многие дворяне, вынужденные иметь дом в Петербурге, бывали в своем жилище лишь наездами, в остальное время большая часть таких зданий отдавалась в наем под присмотром управляющего – представителя того же слоя незнатных, но лично свободных горожан, что и Фелкер с ее персоналом. Таким образом, понятие личного и даже интимного пространства (побольше или поменьше, в зависимости от размера доходов) входило в повседневный опыт городских обывателей.

Один из примеров – каменный дом генерала Михаила Волкова, опытного чиновника с выслугой более 60 лет.[96] Остаток жизни он провел в Москве, где и скончался в 1751 г., однако имя генерала часто упоминалось на допросах арестанток Калинкинского дома. Здание на Миллионной улице, принадлежащее ему, было одним из самых популярных и доступных мест жительства, привлекая умеренными ценами на жилье, бойкой репутацией места и идеальным расположением.[97] Многие из заключенных в Калинкиной деревне называли дом Волкова как одно из мест, где они жили в течение какого-то времени, а некоторые и вовсе прямо оттуда были "взяты под караул". Другой знаменитый среди арестантов дом принадлежал князю, вице-адмиралу Михаилу Андреевичу Белосельскому и располагался на Адмиралтейской стороне, недалеко от Морского рынка. Уроженка Новгородского уезда, солдатская дочь Авдотья Елисеева, жившая в этом доме, на допросе подробно показала:

---

[95] В массе своей деревенские жители не имели специальных помещений для сна или кроватей, они спали на соломе или сене, вплоть до начала XX века у крестьян не было постельного белья. Л. В. Тыдман. Изба. Дом. Дворец. Жилой интерьер России с 1700 по 1840-е годы. Москва, 2000. С. 25, 271-272.

[96] О Волкове см.: М. В. Бабич. Генерал М. Я. Волков: материалы к биографии / "Мы были!" Генерал-фельдцейхмейстер Я. В. Брюс и его эпоха. Санкт-Петербург, 2004. С. 10-16.

[97] Чертеж из коллекции Берхгольца, на котором изображен дом Волкова на тогда Миллионной, называемой также Немецкой, улице, можно увидеть здесь: М. В. Николаева. Санкт-Петербург Петра I. История дворовладений: застройка и застройщики. Москва, 2014. С. 603.

> живучи во оном доме шинковала она вином, пивом и медом; и для блуда жили у ней женки Прасковья Козьмина, Авдотья Богданова да Марья Веденихтова, а по скольку времени – того она не знает, ибо оне почасту от нея и отхаживали, а потом обратно чрез неделю и недели чрез три прихаживали. Да хаживали к ней для того ж блуда, живущия в том же переулке лекарша Алена Дмитриева, Федора Яковлева, Катерина Исаева да Степанида, також и протчия женки и девки, коих имян сказать она не упомнит. Ими всеми она имела сводничество с разными приходящими к ней людьми, а кто таковы, потому ж по имянам сказать не упомнит, а в лице их знать может, а за то сводничество получала она от каждой, кто што даст по одной половине на одно токмо свое содержание.[98]

Другими постояльцами дома Белосельского являлись сводник Матвей Касарин (он также фигурирует в деле под фамилией Косулин) по прозвищу Колченогий, “сводня” Арина Крестьянова и женщина, тоже якобы сводница, чье имя в показаниях никто не вспомнил, поэтому назвали ее по прозвищу – Гнусарка.[99]

Доморощенные “трансгрессоры”

Культивируя сферу современной культуры сексуальности, Анна Фелкер кооптировала, главным образом, иностранок. Они составляли отдельную категорию заключенных Калинкинского дома и жили в отдельных палатах, как Анна Фелкер. Их появление в Петербурге было следствием петровской политики расширения границ (т.е. буквально “трансгрессии”). Северная война, закончившаяся подписанием Ништадтского мира в 1721 г., увеличила территорию России на несколько прибалтийских регионов – Эстляндией, Лифляндией, Ингерманландией. Де-юре они стали российской территорией, но фактически жители этих мест, приезжавшие в Петербург, говорили на другом языке. Выросшие в небольших европейских городах – в Риге, Нарве, Ревеле и Дерпте, – они воспринимались как иностранцы. И если мужчины активно устраивались на службу (военную, придворную, записывались в цеха), то возможности женщин были более ограниченными.

Однако многие арестантки Калинкинского дома не знали ни иностранного языка, ни манер либертинажа, не играли на музыкальных инструментах и не могли поддержать беседу. Кто были эти женщины,

[98] РГАДА. Ф. 8. Ед. хр. 106. Л. 3об.-4.
[99] РГАДА. Ф. 8. Ед. хр. 129. Л. 1.

вынужденные, очевидно, поступать в “блядские дома” низшего уровня, встречаться с моряками, солдатами, корабельными мастерами и канцеляристами? Часть из них составляли солдатские жены и вдовы, бывшие крестьянки, выдернутые из родной общины вслед за мужьями, попавшими в рекрутский набор. Тысячи этих женщин получали личную свободу и попадали в города. В случае потери связи с мужем или его гибели они фактически оставались без всякого социального обеспечения и гарантий со стороны государства: пенсионная система будет отлажена только в следующем веке.[100] И если мужской рынок труда простолюдинов уже начал складываться в городе, то женщина оказывалась в безвыходном положении. Максимум, на что она могла рассчитывать, это “мытье платья” или мелкая торговля.[101] То, что эта категория “непотребных” оказалась в компании Фелкер в Калинкинском доме, является косвенным свидетельством признания Комиссией их амбивалентного “трансгрессорского” статуса: нарушительницы, но с позиций современной европейской культуры. Иначе их ждало бы обычное наказание за “регулярный” блуд: битье кошками, тюремное заключение.

Организация жизни заключенных Калинкинского дома позволяет сделать вывод об исключительном характере этого учреждения и особом отношении правительства к арестанткам. В принципе, требование ссылки незначительно провинившихся женщин на прядильные дворы в качестве наказания появляется уже в петровском законодательстве,[102] однако правоприменительная практика этих указов не ясна. Сколько, кто и на какие дворы ссылался и ссылался ли – неизвестно. Условия же длительного заключения до пенитенциарной реформы Екатерины II в литературе хорошо описаны:

> режим содержания здесь был крайне суров, заключенные находились в тесных, сырых, холодных и темных помещениях, кормили их впроголодь и обращались с ними грубо. В главных городах и крепостях имелись городские тюрьмы, но большинство обитателей их состояло из людей, ожидавших следствия, и из пойманных беглых крестьян. Государство не слишком заботилось

[100] П. Щербинин. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX века. Тамбов, 2004.

[101] Об особенностях доиндустриальной женской занятости на примере Германии см. Sheilagh Ogilvie. A Bitter Living: Women, Markets, and Social Capital in Early-Modern Germany. Oxford, 2003.

[102] ПСЗРИ. Т. 5. № 3306. 13 февраля 1719, № 3313. 26 февраля 1719.

о содержании преступников, выделяя на каждого не более трех копеек в день.[103]

На этом фоне условия жизни в Калинкинском доме выглядят беспрецедентно. Задержанных женщин и мужчин-сводников содержали в разных палатах, больные жили в “особливом покое”, за ними присматривал доктор, и даже присылались медикаменты.[104] Арестантов не заковывали в кандалы, они имели возможность мыться в бане, работали по графику и получали за свой труд деньги, которые тратили в продуктовой лавке неподалеку. При заключенных женщинах дежурила “прядильная мастерица” (одна или несколько), помогавшая им в работе, а также токарь Иван Хаданов, чинивший сломанное оборудование.[105] Во избежание конфликтов между двумя группами женщин-заключенных – русскими и иностранками – в итоге было организовано две прядильных: “русская” и “немецкая”.[106] Женщин определяли на работу не автоматически, этому предшествовало получение “назначения”, включавшее осмотр у врача, а также беседу с комиссаром об обязанностях и особенностях работы. Например, на 30 января 1751 г., согласно “Реестру по комиссии Калинкинского каменного дому доныне не назначенных в работу”, четыре россиянки и 13 иностранок “назначения” не получили.

Еще более яркой деталью, характеризующей исключительный подход властей, можно считать прямое указание Василия Демидова комиссару Шаблыкину не применять “произвольное насилие” к женщинам ни при каких условиях. Единственным легитимным рычагом воздействия на арестанток, которые не хотели идти на работу и прогуливали ее, было лишение их кормовых денег: “однако при том афицеру смотреть, чтобы в том принуждении побои никакие не имели”.[107]

В отличие от женщин, занятых на полотняном производстве, мужчины исполняли разную работу по дому – плотничали, рубили дрова, пилили камни. Многое мужчины-арестанты владели каким-либо ремеслом, что пригождалось им и в заключении. Например, портной Андрей Пумлин занимался починкой одежды караульных офицеров.[108] И хотя использование труда заключенных само по себе не являлось новшеством, занятость заключенных Калинкинского дома значительно

[103] И. Мадариага. Россия в эпоху Екатерины Великой. Москва, 2002. С. 96-97.
[104] РГАДА. Ф. 8. Ед. хр. 41. Л. 40.
[105] РГАДА. Ф. 8. Ед. хр. 188. Л. 23.
[106] РГАДА. Ф. 8. Ед. хр. 188. Л. 14.
[107] РГАДА. Ф. 8. Ед. хр. 188. Л. 11.
[108] РГАДА. Ф. 8. Ед. хр. 128. Л. 23 об.

отличалась от работ на каторге не только содержанием исполняемых работ, но и отношением власти к самим заключенным. Впрочем, несмотря на такой щадящий режим содержания, одна из главных фигуранток расследования – Анна Фелкер – пробыла в неволе недолго и умерла 2 января 1752 г.

Приехавшая в Россию в качестве прислуги, Фелкер вряд ли родилась в привилегированной семье. Однако она сумела получить некоторое образование, освоила манеры и стиль просвещенного общества. Она свела знакомство со многими представителями титулованного дворянства и даже ближайшими сановниками императрицы, что свидетельствует о потенциале трансгрессии эпохи Просвещения (и шире – модерна): трансгрессия способна не только преступать норму, но и распространять ее (например, высокие культурные стандарты) на широкие и "низкие" социальные слои. В этом заключается парадокс трансгрессии, которая одновременно с нарушением запускает и механизм легитимации через осознание и вербализацию ранее не фиксируемого "нового".

Очевидно, этим можно объяснить двусмысленное положение арестантов Калинкинского дома, которые несли наказание, но демонстративно гуманное по меркам эпохи. В заключенных власти видели не рядовых грешников, с которыми обычно расправлялись плетьми и епитимьей, но жертв европейской индустрии платного секса (проституции) как нежелательного "побочного эффекта" передовой и всецело легальной культуры либертинажа. Наказание заключалось не в испытании неволей, но в просвещенной социальной реабилитации через труд. В этом проявилось знакомство высшего российского чиновничества с передовыми европейскими практиками социального дисциплинирования, а также понимание эволюции, которую пережила пенитенциарная система в отношении нарушителей общественного порядка в Европе, где первые попытки отделить непосредственно преступников от нарушителей общественных норм, включая проституированных женщин, были предприняты во второй половине XVII века.[109] Благодаря делу Фелкер и деятельности Калинкинской комиссии был подведен итог стихийной трансгрессии изначального петровского проекта элитных ассамблей. Спонтанно сформировавшаяся сфера сексуального оформилась в социальных практиках и была осмыслена как особый феномен, что позволило в дальнейшем более уверенно разделять "непотребство" и "проституцию", "забаву" и "дело".

[109] Peter Spierenburg. The Prison Experience Disciplinary Institutions and Their Inmates in Early Modern Europe. Amsterdam, 1991. P. 143.

SUMMARY

The article by Irina Roldugina introduces, for the first time in historiography, the archival documents of the so-called Kalinkin Commission, also known as the Commission for the Obscene (1750–59). The commission was established on the royal decree of the Empress Elizaveta Petrovna in response to a seemingly mundane scandal: the discovery of a ring of elite prostitutes (or rather an escort service) in St. Petersburg, made up mostly of foreign nationals. The initial instruction given by the empress was to prosecute the culprits, according to standard criminal procedure, for the felony of fornication (*blud*). However, several weeks later, a special investigative commission was established, and all those arrested, both men and women, were placed in Kalinkin House in the countryside. Created for these inmates, this was an unprecedented cross between a medical facility and a workhouse, maintained under incredibly humane conditions compared to the standards of the epoch in Russia or in Western Europe.

The author asserts that this case captures the precise moment of the discovery of modern sexuality as a public discourse and a distinctive practice in Russia. Further developing the concept of "transgression" as elaborated first by Michel Foucault, Roldugina interprets the story of the Kalinkin Commission as a case of transgression that puzzled the authorities and prompted them to take extraordinary steps such as creating the Kalinkin House facility. What was initially perceived as a crime bore a remarkable similarity to the mores and even aesthetics of the most refined ("enlightened") social circles in both Russia and Western Europe. This was a transgression in more than one sense (elite practices were reproduced by commoners, erotic sexuality was exchanged for money as in crude fornication, etc.), but not an outright felony. The situation of transgression helps to capture the moment of a new meaning being forged, and normative restrictions being challenged and nuanced.

Bibliography

"A se grekhi zlye, smertnye...": Liubov', erotika i seksual'naia etika v doindustrial'noi Rossii / Ed. N. L. Pushkareva. Moscow, 1999.

Ageeva, O. G. "Velichaishii i slavneishii bolee vsekh gradov v svete". Grad Sviatogo Petra. Peterburg v russkom obshchestvennom soznanii XVIII veka. St. Petersburg, 1999.

Anisimov, E. Zhenshchiny u vlasti v XVIII veke kak problema // Vorträge des Deutschen Historischen Instituts Moskau. 26.04.2011. http://www.perspectivia.net/publikationen/vortraege-moskau/anisimov_herrschaft/.
Babich, M. V. General M. Ia. Volkov: materialy k biografii / "My byli!" General-fel'dtseikhmeister Ia.V. Brius i ego epokha. St. Petersburg, 2004.
Berkhgol'ts F. V. Dnevnik kamer-iunkera Fridrikha-Vil'gel'ma Berkhgol'tsa. Moscow, 2000.
Bertgol'd, G. V. Zakony o pravakh i obiazannostiakh, ot supruzhestva voznikaiushchikh. Moscow, 1881.
Boshkovska, N. Mir russkoi zhenshchiny semnadtsatogo stoletiia. St. Petersburg, 2014.
Cryle, Peter and Lisa O'Connell (Eds.). Libertine Enlightenment. Sex Liberty and Licence in the Eighteenth Century. Basingstoke, 2003.
Danilov, M. V. Zapiski artillerii maiora Mikhaila Vasil'evicha Danilova, napisannye im v 1777 godu. Moscow, 1842.
Elistratov, A. I., V. M. Bronner. Prostitutsiia v Rossii do revoliutsii 1917 goda. Moscow, 1927.
Eros i pornografiia v russkoi kul'ture. Moscow, 1999.
Fenomen reform na Zapade i Vostoke Evropy v nachale novogo vremeni (XVI–XVIII vv). St. Petersburg, 2013.
Foucault, Michel. Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tiur'my. Moscow, 2015.
Foucault, Michel. A Preface to Transgression // Michel Foucault. Language, Counter-Memory, Practice. Ithaca, 1977. Pp. 29-52.
Foucault, Michel. The Use of Pleasure. History of Sexuality. Vol. 2. New York, 1990.
Hacker, Barton. Women and Military Institutions in Early Modern Europe: A Reconnaissance // Signs. Vol. 6. No. 4. 1981. Pp. 643-671.
Hyde, Melissa Lee. Making Up the Rococo: François Boucher and His Critics. Los Angeles, 2006.
Ilizarov, S. S. Moskovskaia intelligentsiia XVIII veka. Moscow, 1999.
Imperatritsa Elisaveta Petrovna i ee zapisochki k Vasiliiu Ivanovichu Demidovu // Russkii Arkhiv. 1878. No. 1. Pp. 10-15.
The Invention of Pornography. Obscenity and the Origins of Modernity, 1500–1800. New York, 1996.
Isachenko, V. G. Arkhitektura Sankt-Peterburga. Spravochnik-putevoditel'. St. Petersburg, 2002.
Keenan, Paul. St. Petersburg and the Russian Court, 1703–1761. Basingstoke, 2013.
Korogodina, M. V. Ispoved' v Rossii v XIV–XX vv. Moscow, 2006.

Lavrov, A. S. Koldovstvo i religiia v Rossii. 1700–1740. Moscow, 2000.
Lazovskii, V. S. Lichnye otnosheniia suprugov po russkomu obychnomu pravu // Iuridicheskii vestnik. 1883. No. 6-7. Pp. 358-414.
Luppov, S. P. Istoriia stroitel'stva Sankt-Peterburga v pervoi chetverti XVIII veka. Leningrad, 1957.
Madariaga, I. Rossiia v epokhu Ekateriny Velikoi. Moscow, 2002.
Martynenko N. K. Prostitutsiia v imperatorskoi Rossii: ot zapreta k legalizatsii // Novyi istoricheskii vestnik. 2009. No. 19. Pp. 30-37.
Nikol'skii, V. N. Obzor glavneishikh postanovleniii Petra I v oblasti lichnogo semeinogo prava. Yaroslavl, 1857.
Nikolaeva, M. V. Sankt-Peterburg Petra I. Istoriia dvorovladenii: zastroika i zastroishchiki. Moscow, 2014.
Ocherki istorii Leningrada. Period feodalizma (1703–1861 gg.). T. 1. Moscow-Leningrad, 1955.
Ogilvie, Sheilagh. A Bitter Living: Women, Markets, and Social Capital in Early-Modern Germany. Oxford, 2003.
Oram, Elison. Cross-dressing and Transgender // Palgrave Advances in the Modern History of Sexuality. Basingstoke, 2006. Pp. 256-285.
Ovchinnikova, E. Etika i ideologiia: stsenarii vzaimodeistviia v russkoi kul'ture (XVIII – pervaia polovina XIX veka) // NLO. 2015. No. 3. Pp. 76-85.
Pisarenko, K. A. Povsednevnaia zhizn' russkogo dvora v tsarstvovanie Elizavety Petrovny. Moscow, 2003.
Prokopenko, Ia. I. Politicheskii inzhener Genrikh fon Fik i fenomen reform Petra // Fenomen reform na zapade i vostoke Evropy v nachale Novogo Vremeni (XVI – XVIII v.). St. Petersburg, 2013.
Schenk, Benjamin. Russlands Fahrt in die Moderne: Mobilitat und sozialer Raum im Eisenbahnzeitalter. Stuttgart, 2014.
Semenova, L. N. Byt i naselenie Sankt-Peterburga, XVIII vek. Moscow, St. Petersburg, 1998.
Semenova, L. N. Rabochie Peterburga v pervoi polovine XVIII veka. Leningrad, 1974.
Sexual Underworlds of the Enlightenment / Ed. G. S. Rousseau and Roy Porter. Chapel Hill, 1988.
Shcherbinin, P. Voennyi faktor v povsednevnoi zhizni russkoi zhenshchiny v XVIII – nachale XX veka. Tambov, 2004.
Skinner, Quentin. The Idea of a Cultural Lexicon // Essays in Criticism. Vol. 3. 1979. Pp. 205-224.

Spierenburg, Peter. The Prison Experience Disciplinary Institutions and Their Inmates in Early Modern Europe. Amsterdam, 1991.

Steiner, Stephan. "An Austrian Cayenne": Convict Labour and Deportation in the Habsburg Empire of the Early Modern Period // C. G. De Vito and A. Lichtenstein (Eds.). Global Convict Labour. Leiden, 2015.

Tydman, L. V. Izba. Dom. Dvorets. Zhiloi inter'er Rossii s 1700 po 1840-e gody. Moscow, 2000.

Williams, Raymond. Keywords: A Vocabulary of Culture and Society. London, 1976.

Zaozerskii, N. A. Gosudarstvo i tserkov' v dele zakonodatel'stva o povodakh k razvodu. St. Petersburg, 1913.

Archives

Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI), First Part: 1649–1825.
Vol. 5. Nos. 2792, 2855, 3203, 3244, 3246, 3306, 3313.
Vol. 9. Nos. 6947, 9947.
Vol. 13. No. 9789.

Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA).
F. 8. Kalinkin House and Matters Concerning Crimes Against Morality. Ed. Khr. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 12, 13, 29, 41, 42, 93, 106, 125, 126, 128, 129, 130, 169, 180, 188.
F. 16. Internal Governance. Op.1. Ed. Khr. 459.
F. 286. Senate Heraldry Department. Op. 1. Ed. Khr. 439.

.